Интеграция иноязычных лексических элементов и чисто этимологические проблемы заимствованных слов занимали многих докладчиков и в секции лексикологии и в секции лексикографии симпозиума, специально на материалах исторических словарей. Наблюдения над эндемической лексикой интересовали как этимологов, так и лексикографов, ср. очень наглядную паспортизацию слов и оборотов «Слова о полку Игореве» в специфической брянской диалектной лексике и фразеологии, проведенную одним из лексикографов (публикуется в «Вопросах языкознания»). Таким образом, преобладала вполне современная тенденция преодолеть секционные и дисциплинарные рамки и выйти на стыки дисциплин. Равным образом заметна популярность широкого, типологического взгляда на вещи.

Одним из ценных итогов симпозиума можно считать напрашивающиеся сами собой наблюдения над динамикой и типологией эволюции славянской (а, возможно, не только славянской) исторической лексикографии, кстати, небезынтересной и для специалистов по этимологической и праславянской лексикографии. Сначала, как правило, издаются словари ранних веков письменности (во всяком случае — включающие также ранние века). Следом за этим обрабатываются более поздние века письменной истории (в русской лексикографии это — XVIII век, как стык между древнерусской и новой русской лексикографией, в украинской — XVI—XVII века, в польской — «золотой» XVI век). Лишь после этого — как закономерное уточнение картины — рождаются замыслы работы «на стыке стыков», как например предложенный на симпозиуме замысел словаря русского литературного языка первой половины XIX века.

Эти беглые итоги дают некоторое представление об уровне и научном содержании прошедшего симпозиума.

Нынешний том ежегодника «Этимология» содержит статьи, подготовленные на основе докладов по этимологии упомянутого выше симпозиума мая 1984 г. Задачи этимологии поняты при этом достаточно широко, что позволило включить также типологически интересные опыты по исследованию номинации в области ономастики, а также другие смежные с этимологией материалы.

Все богатство идей и атмосферу научного обмена, знаменовавшую симпозиум, отразить, тем не менее, оказалось очень трудно. К большому сожалению ответственного редактора, целиком за рамками нынешнего тома «Этимология. 1984» остались насыщенные прения симпозиума. Был, впрочем, способ отразить этот ценный научный обмен — я имею в виду возможность краткого учета дискуссий по докладам в окончательных текстах представленных на базе докладов статей — но, насколько я могу судить, эта возможность использована не была. Однако и с отмеченными оговорками новый том «Этимологии», том недавнего московского симпозиума, привлекает внимание богатством и разнообразием научного содержания.

В связи с превышением разрешенного объема данного тома он публикуется без списка принятых сокращений. За необходимыми справками следует обращаться в предшествующие тома ежегодника.

В. И. Абаев

КАК МОЖНО УЛУЧШИТЬ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Архитектор, строящий дом, наперед ясно представляет, как будет выглядеть его детище по сооружении. Когда в 1951 г. я приступил к составлению «Историко-этимологического словаря осетинского языка», я пытался представить, каким будет этот словарь и свои соображения на этот счет изложил в статье «О принципах этимологического словаря», опубликованной в одном из номеров журнала «Вопросы языкознания» за 1952 г.[1] Заключительный отрывок упомянутой статьи был озаглавлен «Об этимологическом словаре нового типа». Там я, между прочим, писал: «Встает заманчивая мечта о создании этимологического словаря нового типа. Такой словарь, будучи вполне академическим по научному уровню, должен быть чужд «академической» сухости. В нем должен биться пульс истории, должны проступать живые черты народной жизни и культуры, отраженные в истории слов. Такой словарь не был бы достоянием узкого круга специалистов. Он мог бы стать настольной книгой каждого образованного человека, интересующегося языком и историей своего народа или других народов. Он был бы своего рода «окном, открытым в широкий мир других гуманитарных наук: истории, этнографии, археологии, социологии, психологии, в мир литературы и фольклора».

Теперь словарь закончен, и для меня настало время обозреть его критическим взглядом и дать себе отчет, в какой мере реализован первоначальный замысел как в построении словаря в целом, так и в разработке отдельных словарных статей.

Говорят, что Максим Горький как-то сказал: «Когда беру в руки только что вышедшее свое произведение, испытываю каждый раз тяжкое чувство неудачи». Я вспомнил Горького не для того, чтобы parva componere magnis (малое сопоставить с великим). Слова Горького — это пример высокой требовательности и взыскательности к себе. Такая взыскательность должна быть обязательна не только для писателя, но и для человека науки. Льву Толстому приписывают слова: «В науке еще возможна посредственность, но в искусстве и литературе кто не достигает вершин, тот падает в пропасть» («Русское слово», 1902).

Думается, что и в науке не следует мириться с посредственностью, а надо требовать по самому высокому счету. И когда я с такой высокой мерой оцениваю свой словарь, не могу не признать, что намеченных «вершин» он не достиг. Не могу сказать: «полная неудача». Но можно говорить о неполной удаче. Словарь мог бы содержать

больше общегуманитарной (исторической, этнографической и пр.) информации.

Есть все же один объективный показатель, который говорит, что мой труд не был напрасным. Третий том вышел в 1979 г. в количестве 2.600 экз. Из них около одной тысячи разошлось в Осетии. А ведь лингвистов-то в Осетии не тысячи и даже не сотни, а всего десятка два. Стало быть, основными потребителями словаря стали не профессиональные лингвисты, а широкий круг интеллигенции, люди разных профессий и специальностей, объединенные интересом к родному языку и его истории. А это именно то, о чем я мечтал, работая над словарем.

В этимологии, в отличие от других областей языкознания, переживших в наш век подлинную революцию, наблюдается определенный методологический застой. Она живет традициями XIX в. «Инъекция» некоторых новых идей и новых наблюдений могла бы способствовать ее «омоложению». Опыт этимологической работы над таким интересным в историческом плане языком, как осетинский, дает мне смелость высказать некоторые пожелания и рекомендации, направленные на то, чтобы преодолеть косность и рутину в этимологической работе, выявить неиспользованные «резервы» и в ряде случаев открыть новые возможности и новые перспективы.

Мои пожелания сводятся к следующему: больше внимания этногенетическим проблемам, включая явления субстрата; больше внимания исторически менявшимся лингвогеографическим конфигурациям; больше внимания перекрестным изоглоссам; больше внимания звуковой символике; больше внимания соотношению «технической» и «идеологической» семантики; больше внимания реалиям исторической жизни народа, его материальной и духовной культуры.

Каждое из этих пожеланий могло быть предметом специальной статьи и даже книги. Но я ставлю себе весьма скромную цель: показать хотя бы на ограниченном конкретном материале, что я имею в виду в каждом отдельном случае.

Больше внимания этногенетическим процессам. Связь этимологических исследований с этногенетическими очевидна. Так же очевидна, как связь истории языка с историей народа. Но эта связь в разных уровнях языка отражается по-разному. Лексика занимает здесь особое место. Лапидарный тезис Якоба Гримма «наш язык есть также наша история» оправдан главным образом в применении к лексике. Именно здесь особенно зримо и непосредственно жизнь и судьбы народа налагают свой отпечаток на язык.

Называя свой словарь «историко-этимологическим», я хотел подчеркнуть, что не вижу принципиальной разницы между словарем историческим и словарем этимологическим. Что такое этимологический словарь? Это — самый глубинный вариант исторического словаря. А что такое этногенез? Это — самый глубинный аспект истории народа. На уровне этой глубины этимологические и этногенетические исследования смыкаются, переплетаются, подкрепляют, обогащают и «дешифруют» друг друга.

Приведенные соображения не претендуют на новизну. В частности, в славистической науке многократно испытан путь «от истории языка к языку истории» и обратно. Достаточно назвать имена Л. Нидерле, А. Шахматова, А. Соболевского, а в новое время Т. Лер-Сплавинского, К. Мошинского, Ф. Филина, О. Трубачева, В. Мартынова, Вяч. Иванова [2].

Связь этимологии с этногенезом — не проблема. Проблема состоит в том, как лучше раскрыть эту связь в этимологическом словаре. Естественный ответ — в отдельных словарных статьях, в особенности при этимологической разработке тех слов, которые представляют особый интерес в этногенетическом плане. Эти словарные статьи должны содержать помимо чисто лингвистического материала также этногенетические, исторические, этнографические, археологические справки.

Но, во-первых, такие разбросанные по всему словарю справки не могут дать цельной картины. Во-вторых, некоторые справки пришлось бы повторять многократно и в разных словарных статьях. Поэтому я склоняюсь теперь к другому решению: хороший этимологический словарь должен быть снабжен специальным этногенетическим введением. Это введение не должно быть очень пространным, страниц на 10—15. В нем должны быть отмечены основные этапы этногенетической истории народа в их соотнесенности с этапами формирования его лексики. В осетинском этимологическом словаре я не дал такого введения главным образом потому, что в сборнике «Осетинский язык и фольклор», вышедшем в 1949 г., была помещена моя статья «Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка».

В рамках этногенетической проблематики особо следует выделить явление с у б с т р а т а. Когда автохтонное население на какой-либо территории не просто вступает в контакт с пришлой этнической средой, но смешивается с нею и усваивает ее язык, то сквозь наложившийся пришлый этнический мир продолжают «просвечивать» элементы местной этнической культуры и этнического типа. Они, эти элементы, распознаются в антропологическом типе, в археологических памятниках, в этнографических чертах, в истории, религиозных верованиях, мифологии, фольклоре, языке. Совокупность этих автохтонных элементов в этнокультуре пришлого племени или народа мы называем с у б с т р а т о м.

Из сказанного следует, что «субстратология», если бы такая наука была создана, была бы сугубо комплексной наукой. Она обязательно включала бы в себя не только лингвистические, но также антропологические, археологические, этнографические данные. Они взаимно дополняли и подкрепляли бы друг друга. Осетинский язык долгое время изучался в аспекте только его иранского происхождения. Мы пришли к выводу, что значительную роль в его формировании сыграл кавказский субстрат. Но мы никогда не решились бы отстаивать этот тезис на основе одних только языковых (фонетических, лексических, синтаксических) показаний, если бы не знали из научной

литературы, что у осетин много общего с соседними кавказскими народами также в антропологическом, археологическом, этнографическом плане.

В этом отношении у осетин много общего с армянами. Оба народа завершили свою этногенетическую историю на Кавказе, армяне — на кавказско-азианическом, осетинский — на кавказском субстрате. Отсюда такие общие черты осетинского и армянского языков, как смычно-гортанные (глоттализованные) согласные, отсутствие маркированного аккузатива [3] и др.

Разумеется, о субстрате приходится говорить не только в применении к армянскому и осетинскому. Субстрат то явно, то более скрыто присутствует почти во всех индоевропейских языках. Оно и понятно. Занимая первоначально ограниченный регион, индоевропейские народы расселились потом на обширных территориях. Эти территории не были отнюдь безлюдными пустынями. На них жили другие племена, от смешения с которыми и образовались современные индоевропейские народы. К сожалению, мы не всегда располагаем достаточно полными и ясными данными об этнической и языковой культуре тех племен, на субстрате которых формировался каждый отдельный индоевропейский народ. Простейший случай — когда представители субстратных этнических групп и по сей день продолжают жить, соседствуя с индоевропейскими пришельцами. Так именно обстоит дело с дравидийским субстратом в индоарийском, финским субстратом в балтийском и славянском, иберийским («баскским») субстратом в испанском, кавказским субстратом в армянском и осетинском. Проблема становится сложнее, когда субстратная среда полностью растворилась и смешалась с пришлыми индоевропейцами, и мы не можем сказать ничего точного как об их языке, так и о других этнических признаках. В этом случае черты субстратной среды приходится восстанавливать путем кропотливого выделения его возможных отложений в индоевропейских языках данного региона в сопоставлении с историческими, археологическими, этнографическими и антропологическими данными.

Аналогичные проблемы возникают и в тех случаях, когда один индоевропейский язык послужил субстратом для другого или других: фракийский для румынского и болгарского, кельтский для французского и английского и т. п.

Задачи, стоящие перед индоевропейской «субстратологией», далеки еще от завершения. Достаточно сказать, что доарийские элементы в санскрите только в последние годы выявлены настолько, чтобы можно было судить об их удельном весе в индоарийском.

В последние же годы появились новые серьезные работы о родстве баскского языка с кавказскими (проф. Р. Лафон, А. Товар и др.). В связи с этим намечается возврат к теории о непрерывном лингвистическом континууме, простиравшемся от Пиринеев до Кавказа и послужившем субстратом для индоевропейских языков средиземноморского бассейна.

Субстратологические изыскания имеют большое значение для

одной важной проблемы: проблемы п р а р о д и н ы. Территорию прародины можно установить методом, который уместно было бы назвать «пробой на субстрат». Ход рассуждений очень прост. Повсюду в ареалах расселения индоевропейских народов после их распада мы вправе ждать и находить следы субстрата. И только там, где индоевропейцы составляли исконное население, никакого субстрата, естественно, ждать не приходится. Стало быть территория, где не распознаются никакие признаки доиндоевропейского субстрата, и есть прародина. Насколько мы можем судить, такая зона существует. Это — область средне-восточной Европы, где жили предки и славян. Здесь и следует искать прародину индоевропейцев. Финский субстрат в языке балтов и славян — явление позднейшее, связанное с их продвижением на северо-восток.

Наша гипотеза находит поддержку еще с одной стороны. О. Н. Трубачев пишет: «Отсутствие памяти о приходе славян может служить одним из указаний на извечность обитания их и их предков в Центрально-Восточной Европе в широких пределах» (ВЯ, 1982, № 4, 12). Отсутствие субстрата и отсутствие преданий о переселениях бьют в одну точку: указывают на прародину.

Выводы из данного раздела нашего сообщения: этимологические исследования должны быть тесно связаны с этногенетическими; пристального внимания заслуживает участие в формировании лексики любого языка субстратной среды, как реально известной, так и исторически мыслимой; целесообразно снабжать этимологический словарь кратким этногенетическим введением.

Больше внимания исторически менявшимся лингвогеографическим конфигурациям. Индоевропейская языковая общность не была с самого начала чем-то однородным и монолитным. Она делилась на диалекты. Истоки ныне известных языковых семей ведут к диалектам периода общности. Уже тогда, наряду с общими для всех диалектов изоглоссами, возникали изоглоссы а р е а л ь н ы е, объединявшие два или несколько диалектов. После распада общности (где-то в середине 4-го тысячелетия до н. э.) началась эра миграций, продолжавшаяся многие столетия. Пути этих миграций не были прямолинейными. Чаще они были извилистыми и причудливыми, с неожиданными поворотами и зигзагами. В результате лингвогеографические конфигурации менялись от столетия к столетию, как в калейдоскопе. При этом индоевропейские племена вели себя поразному. Более «спокойные», заняв и освоив определенный регион, закреплялись в нем надолго. Другие были прямо-таки одержимы страстью к дальним передвижениям. Таковы кельты, таковы скифы, таковы норманы. В потоке извилистых передвижений оказывались на некоторое время в контактном развитии языки, которые и до, и после были оторваны друг от друга. На этой почве возникали вторичные сепаратные (эксклюзивные) ареальные изоглоссы. Эти изоглоссы представляют большой не только лингвистический, но и исторический интерес, так как часто оказываются единственным свидетельством прошлых контактов между двумя ныне далеко разобщенными народами.

Чем неожиданнее такие сепаратные изоглоссы, тем они любопытнее. Для нас, например, было полной неожиданностью, когда мы обнаружили, что осетинский имеет сепаратные изоглоссы с латинским: осет. *Wærgon* — лат. *Volcanus* 'бог кузнец', осет. *mustælæg* — лат. *mustela* 'ласка' (животное), осет. *xumæ* 'пашня', лат. *humus* 'почва' и ряд других (см. наши Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965). Контакты скифов с италиками могли иметь место только где-то в средней Европе, до миграции италиков в Италию, т. е. не позднее начала I тысячелетия до н. э. Стало быть, в это время северно-иранский элемент не только присутствовал в Северном Причерноморье, но был продвинут далеко на запад до Средней Европы. Тем самым ставится под сомнение идущая от Геродота версия, что скифы появились на Юге России только в VII в. до н. э. Важными скифо-европейскими изоглоссами являются такие, как осет. *mal* 'глубокая стоячая вода' — и.-е. **marī-*, осет. *læsæg* 'лосось' — и.-е. **loksoko-*.

Заслуга ареальной лингвистики в том, что она вскрыла вторичные контакты между индоевропейскими народами в самых разнообразных комбинациях и сочетаниях. Накопилась обширная литература, в которой разбираются самые разнообразные эксклюзивные изоглоссы: славо-иранские, славо-кельтские, славо-италийские (В. Мартынов), армяно-греческие, армяно-кельтские (Э. Макаев), итало-индоарийские, фрако-балтийские, албано-балтийские, албано-германские (А. Десницкая), ирано-германские (М. Дадашев) и мн. др. Пестрота и «непредсказуемость» этих изоглосс не должны смущать. Они объективно отражают историческую изменчивость лингвогеографических конфигураций и сложное переплетение миграционных траекторий.

В ы в о д. Наряду с первичными ареальными изоглоссами, восходящими к периоду индоевропейской общности, в индоевропейских языках распознаются многочисленные в т о р и ч н ы е изоглоссы между языками в разнообразных сочетаниях. Этим вторичным сепаратным изоглоссам следует уделять в этимологических словарях пристальное внимание. Они представляют не только лингвистический, но большой исторический интерес, так как свидетельствуют о вторичных контактах между и.-е. племенами на разных этапах их истории.

Больше внимания перекрестным изоглоссам. Как известно, и.-е. языки по тому, как отражены в них палатальные *k̑*, *ĝ*, *ĝh*, делятся на две группы, условно называемые группа «кентум» (лат. *centum* 'сто') и группа «сатем» (авест. *satəm* 'сто'). Известно, с другой стороны, что в языках группы «сатем» встречаются отдельные слова, оформленные по фонетической норме «кентум». Таковы, например, слав. *kamenь* вместо ожидаемого **samenь*, *svekorъ* вместо ожидаемого **svesorъ* и др. Не всеми однако признано и оценено, что эти факты — лишь частный случай у н и в е р с а л ь н о г о явления, заключающегося в том, что в группе родственных языков, из которых каждый характеризуется определенными тенденциями и закономерностями звукового развития, о б я з а т е л ь н о будут встречаться случаи, когда отдельные слова в каком-либо из языков, входящих в эту группу, имеют фонетический облик, характерный не для этого языка, а для другого или других родственных языков. Иными словами, в каждом из родственных языков заложены в с е возможности и направления звукового развития, присущие группе в целом. Но в каждом языке одно из этих направлений реализуется как господствующая норма, как «закон», а другие представлены единичными случаями, «исключениями». Подобные «незакономерные» фонетические феномены могут перекрещиваться во всех мыслимых направлениях в пределах данной группы. Нет языков монолитного звукового развития. Это явление мы называем п е р е к р е с т н ы м и и з о г л о с с а м и (см.: Этимология 1966, М., 1968). Ограничимся немногими примерами.

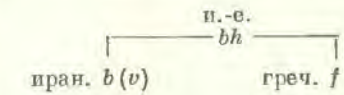
Из и.-е. **eiso-* 'лед' мы ожидаем в иранском **aiša-*. В действительности имеем **aixa-* (авест. *aexa-*, осет. *ex* и пр.). Но фонема *x* из *s* в данной позиции — это специфика с л а в я н с к и х языков. Ср. «нормальное» соответствие: и.-е. **meiso-* — иран. *maiša-*, *meš* 'баран' — слав. **měxъ*. Иранское *aixa-*, *ex* — такая же аномалия, как если бы вместо *maiša-*, *meš* мы имели в иранском **maixa-*, **mex*. Стало быть, иран *aixa-* мы имеем право назвать «славизмом», но славизмом не в смысле заимствования из славянского (в славянском нет этого слова), а как «прорыв» славянской фонетической нормы на иранскую почву, т. е. как перекрестную изоглоссу.

Слав. *rysь* 'Lynx', вместо ожидаемого *lysь* — ротацизм, характерный не для славянских, а индоиранских языков.

Общеиранскому *s* отвечает в древнеперсидском, как правило, *θ*. Эта фонетическая особенность считается спецификой древнеперсидского языка. Но вот оказывается, что несколько осетинских слов примыкают в этом отношении не к общеиранскому, что для осетинского является нормой, а к древнеперсидскому: *færæt* 'топор' вместо ожидаемого **færæs* (ср. др.-инд. *paraśu-*), *rætæn* 'ременная веревка' вместо **ræsæn* (ср. др.-инд. *raśana-*), *talm* 'ильм' вместо **salm* (ср. др.-перс. *θarmi-*, перс. *sarv* 'кипарис').

С другой стороны, древнеперсидский сам нарушает нередко свои звуковые «законы» и дает *s* и *z* там, где ожидали бы *θ* и *d*: *vazarka-* 'великий' вместо **vadarka* и др. Такие случаи считаются заимствованием из мидийского. Однако для такого допущения нет оснований. Если эти формы и можно назвать «мидизмами», то не в смысле заимствования, а как перекрестные изоглоссы.

Индоевропейскому *bh* отвечает, как правило, иранское *b* (*v*) и греческое *f* (φ):



Но в некоторых случаях мы находим в иранском *f*, как в греческом: и.-е. *webh-* — осет. *wafyn* 'ткань' (вм. ожидаемого **wavyn*), ср. греч. ὑφαίνω 'тку'. И.-е. *bhru-* 'бровь' дало в осетинском *ærfyg* (вм. **ærvyg*), ср. греч. ὀφρύς. Любопытно, что осет. *ærfyg* со своим *f* стоит изолированно даже в иранском мире. Оно вплотную смыка-

ется с греч. ὀφρύς и противостоит всем остальным иранским и индоевропейским формам. Санскритскому *nabhas-* 'пупок' отвечает авест. *nafah-* (вм. **nabah-* или **navah-*), парф., пехл. *naf*, осет. *naffæ*.

Слав. *vaga*, рус. *вага*, *важный* считается заимствованием из германского. «Чисто» славянская форма была бы **vaza* или **voza*. Однако богатое формальное и семантическое словообразование (помимо рус. *важный*, ср. *отвага*, *отважный*) указывает на оригинальность слова в славянском. Мы имеем скорее «германизм» в указанном выше смысле.

Из и.-е. *melĝ-* 'доить; молоко' мы ожидаем в славянском **melz-*, в германском **melk-*. Однако слав. **melko* 'молоко' примыкает по форме к германскому и на этом основании многими (Уленбек и др.) считается заимствованным из германского. Указывают, что названия некоторых других важных продуктов питания также германского происхождения, например, *хлеб*. Но это — разные вещи. Хлеб — продукт искусственный, молоко — продукт естественный, с которым люди знакомятся буквально с молоком матери. Название молока не могло быть чужим в славянском. Оно лишь получило германский облик в порядке перекрестной изоглоссы. «Чисто» славянская форма отражена в русском *молозиво*.

Перекрестные изоглоссы могут возникать «на наших глазах» в диалектах одного языка. Между двумя диалектами осетинского языка, иронским и дигорским, существуют строгие соответствия гласных, а именно иронскому *u* отвечает диг. *o*, иронскому *i* — диг. *e*. Но вот тюркское заимствование *xurdžin* 'переметная сума' дало в иронском *xordzen*, в дигорском *xurdzin*, т. е. нечто диаметрально противоположное тому, чего следовало ожидать. Диалекты как бы поменялись формами. Такая аномалия может поставить в тупик. Но перед нами объективный факт, от которого никуда не денешься.

Перекрестные изоглоссы не следует смешивать с ареальными, о которых речь шла выше. Ареальные изоглоссы возникают в результате контактов между языками и представлены в основном л е к с и ч е с к и м и фактами, иногда также фонетическими и грамматическими. Перекрестные изоглоссы — феномен сугубо ф о н е т и ч е с к и й. Они не связаны с межъязыковыми контактами и возникают в силу внутренней, имманентной вариативности звукового развития любого языка. При этом характерные для данной языковой группы вариационные возможности реализуются в отдельных ее членах по разному. Вариация, которая в одном языке выступает как господствующая («закон»), в другом представлена единичными случаями («исключения») и наоборот. Эти «исключения» перекрещиваются в разных направлениях, что и дает право называть их перекрестными изоглоссами.

В этимологической работе с ними приходится встречаться постоянно, и их реальность не вызывает никаких сомнений. Когда меня спрашивают, что такое перекрестные изоглоссы, я говорю: взгляните на иранское *aixa-* 'лед'; это — иранское слово в «славянском» оформлении. Взгляните на славянское **melko* 'молоко'; это — славянское слово в «германском» оформлении. Взгляните на осетинское *wafyn* 'ткать', *ærfyg* 'бровь'; это — иранские слова в «греческом» оформлении, и т. д. и т. п.

Явление перекрестных изоглосс не связано, разумеется, с какой-то одной семьей языков. Оно распознается в фонетической истории любой языковой группы. Шведский ученый Нильс Хольмер, лингвист глобального профиля, установил перекрестный аспект фонетической эволюции двух лингвистических групп региона Океании [4]. Автор, в частности, пишет о теории перекрестных изоглосс: «Professor Abaev advances a theory which according to the present writer's opinion diserves to be ranged among basic principles of Comparative Linguistics and perhaps to be considered the most important one within the particular field in which falls the study and analysis of the concept of p h o n e t i c l a w. In working with the historic-comparative phonology of a number of languages belonging to different linguistic families and types, the writer. . . has repeatedly been forced to doubt the traditional and long-established notions regarding the nature and effect of the sound laws, generally arriving at the rather negative conclusion, that a phonetic law, whatever it may be in theory, in practice essentially nothing more than a phonetic t e n d e n c y. It was therefore with great satisfaction that the present writer was able to take part of Professor Abaev's stimulating and fertile points of view in regard to the effects and range of operation of the phonetic law, a view of whose correctness he immediately felt strangely convinced».

Весьма любопытны данные, полученные Т. Н. Пахалиной в области сравнительно-исторической фонетики пяти припамирских иранских языков: ваханского, ишкашимского, мунджанского, язгулямского, шугнанского. Автор установила, что «звуковые законы», характерные для каждого из этих языков, ни в одном случае не выдерживаются строго по всему языковому материалу. В каждом из этих пяти языков имеются «вкрапления», отражающие норму не этого, а какого-либо другого языка этой группы. Автор приходит к выводу, что без допущения подобных перекрестных изоглосс невозможно дать рациональную картину фонетической истории припамирских языков [5].

Чем объяснить, что такое обычное явление как перекрестные изоглоссы не отражено четко в существующих этимологических словарях (если не считать «кентумизмов» в языках «сатем») и ждет еще признания своего особого статуса? Причину надо искать в известном консерватизме этимологической науки. Вряд ли ошибусь, если скажу, что из всех отраслей языкознания этимология самая консервативная. В то время как в других лингвистических дисциплинах младограмматическая традиция на разные лады, но преодолевается (в итальянской неолингвистической школе, в различных направлениях структурализма), в этимологии она пока доминирует. Не хочу быть неправильно понятым. Заслуги младограмматиков в сравнительно-историческом языкознании огромны и неоспоримы. Но в их концепциях есть уязвимые стороны, на которые не следует закрывать глаза. Сюда относится слишком жесткое понимание того феномена, который называется «звуковым законом».

«Звуковой закон» — феномен не узко лингвистический, а социальный. Дифференциация и консолидация звуковых норм и звуковых отношений в рамках данной языковой общности идет параллельно с дифференциацией и консолидацией входящих в нее этнических групп. Вначале мы имеем не звуковые «законы», а вариативные фонетические тенденции, перекрещивающиеся в разных направлениях. И лишь постепенно, по мере этнической консолидации и укрепления этноязыкового самосознания эти тенденции все более четко распределяются между этносоциальными единицами и приобретают статус «звуковых законов».

Хорошим примером может служить положение со звуковыми законами в кавказских языках. Родство этих языков между собой убедительно доказано трудами И. А. Джавахишвили и А. С. Чикобава и их школы. Но в то время как в южнокавказской (картвельской) группе звуковые соответствия между грузинским и мегрелочанским носят довольно строгий и выдержанный характер, в северокавказских языках они едва «прощупываются». Почему? Думается потому, что картвельские языки сформировались в условиях более продвинутого уровня этносоциального развития, дифференциации и консолидации, чем северокавказские.

Концепции младограмматиков сформировались на материале языков, принадлежавших народам с относительно далеко продвинутым уровнем этнического и социального развития. Этим объясняются многие специфические черты младограмматизма, в том числе и культ «звуковых законов». Нет спору, знание закономерностей звуковых изменений в языке составляет основу основ сравнительно-исторического языкознания, без которого оно стало бы царством произвола. Но «звуковой» закон требует более гибкого подхода с учетом не только действия аналогии, что давно признано, но и других «нарушающих» факторов: ареальных влияний, звуковой символики, экспрессии, табу, «детской» речи и пр. К числу этих «нарушителей» относятся и перекрестные изоглоссы. Но они поддаются точному учету и поэтому не могут быть предметом произвольных манипуляций.

Вывод. Существующие этимологические словари требуют пересмотра на основе признания закономерности и универсальности того явления, которое мы называем перекрестными изоглоссами Относящиеся сюда лексемы подлежат трактовке, соответствующей их особому статусу.

Больше внимания звуковой символике. Особое место в лексике языка занимают слова, возникшие на почве звуковой символики, т. е. стремления передать определенными звукосочетаниями непосредственное впечатление от тех или иных предметов и явлений. Звуковая символика по своей экспрессивной природе близка к звукоподражанию. Но в то время как в звукоподражаниях человек пытается средствами своего звукопроизносительного аппарата воспроизвести подобие воспринимаемых извне звучаний, в звуковой символике передается не звучание, а внешний вид предметов, их объем, форма, движение, также некоторые световые и иные явления, не связанные ни с каким звучанием. Иными словами, тот или иной зрительный образ непосредственно порождает «соответствующий звуковой образ». Механизм этого порождения требует еще исследования в психофизиологическом плане, но самый факт не подлежит сомнению.

Особый статус звуковой символики в лексике давно отмечен и признан. В немецкой лингвистической терминологии рядом с lautnachahmend «звукоподражательный» употребительно lautmalend «звукоизобразительный», ср. также нем. Lautbild «звуковой образ».

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966, с. 404) читаем: «Символизм звуковой — предполагаемое наличие у некоторых звуков речи способности непосредственно соответствовать тем или иным представлениям». Обращает на себя внимание осторожность формулировки: предполагаемое наличие.

В действительности речь идет не о предполагаемом, а о твердо установленном явлении. И здесь особенно ценными оказались наблюдения лингвистов-африканистов Майнхоффа, Вестермана и др. Вестерман, например, пишет: «Отношение между звуком и значением в языке пытались установить часто, но не всегда успешно. . . Но подобные отношения действительно существуют, и при определенных условиях можно это доказать» [6]. Автор приводит примеры из некоторых африканских языков. Определенный звукотип может означать:

1. нечто большое, объемистое; 2. нечто неловкое, неуклюжее, медленное; 3. нечто тупое.

Другой звукотип может означать: 1. нечто маленькое, тонкое, нежное; 2. нечто узкое, острое; 3. нечто быстрое; 4. нечто кислое, острое на вкус; 5. нечто яркое, блестящее.

Африканисты дали подобным наделенным изобразительной способностью звукотипам название идеофонов. Этим термином и мы будем охотно пользоваться, понимая под ним не только отдельные звуки, но и звуковые комплексы.

В 3-м томе нашего «Историко-этимологического словаря осетинского языка» под словом *tymbyl* ‘круглый’ мы привели обширный материал, который не оставляет сомнения, что идеофоны типа КР, ТР, СР часто с наращением третьего согласного, используются в самых различных, в том числе и неродственных языках, для обозначения ‘круглого’, ‘толстого’, ‘выпуклого’, ‘торчащего’ и пр.

В имеющихся этимологических словарях и.-е. языков идеофоны часто не распознаются и трактуются как «обычные» слова с применением к ним «звуковых законов», реконструкции и всей вообще процедуры сравнительно-исторической этимологизации, хотя идеофоны этого не требуют и этим способом не разъясняются.

Превосходный во многих отношениях «Русский этимологический словарь» М. Фасмера также не дает представления об удельном весе идеофонов в русском языке. Слова *чуб* ‘хохол’ и *чоп* ‘затычка’ рассматриваются как ничем между собой не связанные. Нет отсылки от одного слова к другому. Каждое этимологизируется само по себе

Научная библиотека им. Горького

с применением обычной сравнительно-исторической этимологической процедуры. Между тем эти слова — чистейшие идеофоны. Верно, что между ними нет никакого генетического родства. Но их сближает «элементарное» родство, общность звукосимволического образа. Не надо для каждого из них искать праславянский и праиндоевропейский прототипы. Их надо прямо и непосредственно сближать друг с другом и созвучными идеофонами в любых других языках. К этому и только к этому сводится задача этимологизирования подобных слов. Идеофоны не знают границ между лингвистическими семьями и группами. Пространную статью посвящает Фасмер слову *куб*. В статью вложено много времени, сил, эрудиции и изобретательности. И все — впустую. *Куб* — типичный идеофон, имеющий многочисленные соответствия в самых различных языках. И уж конечно прав Фасмер, когда подчеркивает, что «нет оснований говорить о заимствовании из чагат. *köb* 'пузатый сосуд' или тюрк. *kub*, *kup* 'кувшин'». Сходные идеофоны возникают независимо в разных языках без всякого заимствования. Ср. англ. *cob* 'толстяк', 'глыба', 'куча', 'косточка', 'testiculum', 'хохолок' (по Вебстеру «basic idea: something round or plump»). Идеофоническая природа распознается и в осет. *gopp*, англ. *top* 'верхушка', 'хохолок', нем. *Kopf* 'голова', англ. *coop* 'корзина', *coomb* 'мера зерна; сосуд', нем. *Kumm* 'чаша' и мн. др., сюда же (с огласовкой *a*) лат. *caput*, итал. *capo* 'голова', итал. *capo* 'мыс', исп. *cabo* 'кончик', 'мыс', итал. *cappa* 'плащ с капюшоном', (с гласным *o*) итал. *coppa* 'чаша; кубок', *coppa* 'затылок', *coppo* 'кувшин', *coppoluto* 'пузатый', далее итал. *tappo* 'пробка', *ceppo* 'пень; колода' и мн. др.[7]

На идеофонической почве возникли рус. *губа*, *губка* и все его славянские и балтийские родичи, во всех значениях ('labium', 'нарост на дереве', 'нарост на теле', 'толща; масса').

Сюда же рус. *гумно* из *губ-но* 'круглая постройка для молотьбы'[8]. Семантика 'круглого', 'выпуклого' и т. п. выступает также в *гуменце* 'одуванчик' (Даль.), *гуманок* 'кошелек', *гумёшко* 'макушка', 'темя', *гумёшки* 'речная галька' (Филин).

На идеофоническом («естественном»), а не генетическом родстве основано созвучие таких пар, как:

рус. *пук* (*пучить*, *пухнуть*, *пухлый*) — лат. *bucca* 'пухлая щека';

рус. *пузо*, *пузырь* — осет. *a-buz-yn* 'вздуваться';

рус. *шерохий*, *шершавый* — осет. *særxæ* 'точильный камень';

укр. *бульба* — лат. *bulbus* 'луковица';

итал. *zampa* — осет. *zæmby* 'лапа';

лит. *gumbulas* 'железа' — осет. *gumbul* 'комок свежего сыра'.

Звукосимволическим качеством могут обладать не только комплексы звуков типа КР, РК, ТР, СР и др., но и отдельные фонемы. Так, в осетинском смычно-гортанным (глоттализованным, абруптивным) согласным *k'*, *t'*, *p'*, *c'*, усвоенным из кавказского субстрата, приписывается особая экспрессивная выразительность. Это ясно видно из таких фактов, как *tæryn* 'гнать' рядом с *ænt'æryn* 'выгонять силой, грубо; вышибать', *tælfyn* 'шевелиться' — *st'ælfyn* 'вздрагивать', *tuxyn* 'заворачивать' — *ænt'uxyn* 'сильно стягивать'.

Некоторые фонемы приобретают звукосимволическую силу в начальной позиции. Так, по наблюдениям профессора Дж. Бонфантэ, начальный *z* во французском часто фигурирует в словах явно звукосимволического типа[9].

Если не считать заимствований (*zénith*, *zéphir* и нек. др.), то остальные, (числом ок. 25) в основном — идеофоны. Типичный пример — слово *zigzag*. Это слово не надо возводить ни к прароманскому, ни к праиндоевропейскому прототипу. Оно возникло как звуковой образ, непосредственно порожденный зрительным образом крутых поворотов.

Осмелюсь выразить убеждение, что начальный *х-* в русском (и славянском) тоже наделен часто звукосимволическим качеством. Если не считать заимствований, таких, как *хата*, *хлеб*, *хмель* и нескольких слов, где начальное *х-* восходит к группе *ks-*, то значительная часть оставшихся слов имеет явные приметы идеофонов; *хабати*, *хапати*, *хопити*, *хламати*, *хластати*, *хлостати*, *хвастати*, *хвост*, *хохол* и мн. др.

У Фасмера находим слово *хорхора* 'вальдшнеп', 'тряпье'; сюда же глагол *хорохориться*. Приводятся параллели из других индоевропейских языков: гр. κάρχαρος 'острый', καρχαρεός 'злобный', скр. *kharas* 'твердый'. 'Вальдшнеп' — 'тряпье' — 'острый' — 'злобный' — 'твердый'. Попробуйте извлечь отсюда какую-то семантическую закономерность! Другое дело, если подойти к этому слову как экспрессивному, наделенному одновременно звукоподражательными ('вальдшнеп', 'хорохориться') и звукоизобразительными ('тряпье') качествами. В экспрессивность слова хорошо уложится вся его замысловатая семантика. Для значения 'тряпье' ср. груз. идеофон *xaraxura* 'тряпье', 'барахло'[10].

Наш разговор об идеофонах приводит на память другой разговор, имевший место 2400 лет назад. Я имею в виду спор между Кратилом, Гермогеном и Сократом в диалоге Платона «Кратил». Этот замечательный диалог занимает особое место не только в философском творчестве Платона, но и в истории лингвистической науки. Спор в диалоге идет о том, каков характер связи между звучанием и значением слова, почему предметы называются так, а не иначе. Этот вопрос и поныне сохраняет свою актуальность. Кратил утверждал, что связь между звучанием и значением слова «естественная» (φύσει). Сократ же, устами которого, как и в других диалогах, говорит сам Платон, считал, что название предметам даются условно, «по соглашению» (θέσει). Мы считаем теперь, что прав был, разумеется, Сократ, а Кратил заблуждался. Между звучанием и значением слова нет связи естественно необходимой, есть связь социально необходимая. Вместе с тем мы можем теперь сказать, что и Кратил был частично прав. Есть особый разряд лексики, где связь между звучанием и значением естественная, где образ предмета непосредственно порождает такой, а не иной звуковой образ. Лингвисты-африканисты, особенно убедительно показавшие это явление, в какой-то мере «реабилитировали»

Кратила. Идеофоны — это «кратиловская» часть человеческой лексики. Не следует ли этот весьма своеобразный разряд слов сделать предметом особой науки «идеофонологии»?

Чем объяснить, что такое обычное явление, как звуковая символика, с трудом распознается в большинстве широко известных и вполне компетентных этимологических словарей? Мы уже говорили: этимология — наука консервативная. Она живет в основном в младограмматической традиции. А в этой традиции идеофоны оказываются чужеродным телом. Они ведут себя не так, как «нормальные» слова. Они плохо ладят со звуковыми законами. У них свои семантические причуды. И когда их пытаются этимологизировать путем обычных отработанных в младограмматической школе процедур, становится досадно за авторов: зачем столько труда и изобретательности, когда ларчик открывается просто?

Вывод. Существующие этимологические словари требуют пересмотра под углом зрения возможно полного выявления идеофонов и соответствующей их трактовки.

Больше внимания соотношению «технической» и «идеологической» семантики. Семантические аспекты этимологии весьма сложны и с трудом поддаются регламентации. Никакого «закона», который можно было бы сопоставить со звуковым законом, в семантическом развитии слов установить не удается. Здесь приходится опираться не на необходимое, а на возможное в рамках здравого смысла. Но «возможное» не имеет по сути дела никаких твердых границ, и изучая различные этимологические словари с точки зрения допускаемых в них семантических переходов, приходишь к выводу, что историческая семасиология далека еще от того, чтобы называться наукой в подлинном смысле этого слова.

Неверно было бы, разумеется, утверждать, что в данной области не наблюдается никакого прогресса. Имеются исследования, в которых авторы более или менее успешно пытаются внести порядок в видимый хаос семантических явлений и придать семасиологии, если не вполне научный, то во всяком случае наукообразный облик. К числу таких исследований мы относим теорию «семантического поля» немецкого ученого Йоста Трира. Это был шаг в верном направлении. Недавно вышла посмертно книга Трира «Wege der Etymologie», сборник этюдов по общим и конкретным этимологическим вопросам. Автор, между прочим, пишет: «Для этимологии важны две семантические области: область техники в широком смысле, т. е. область освоения объективной действительности в социальной трудовой практике, и область структурных переосмыслений: уподоблений, сравнений, метафор и пр.»

В статьях «Язык как идеология и язык как техника» и «Понятие идеосемантики» [11] мы также пытались показать, что в семантике слов следует различать ««техническое ядро» и «идеологическую оболочку». Этому фундаментальному различию можно придать несколько иную формулировку, а именно: к семантике применимы понятия базиса и надстройки. Есть значения «базисные» и есть значения «надстроечные». Историческая семасиология станет научно обоснованной дисциплиной в той мере, в какой она сможет раскрыть на широком (в идеале — глобальном) материале закономерности соотношения базисных и надстроечных значений, т. е. какие надстроечные значения могут возникать из тех или иных базисных, и обратно, какие базисные значения чреваты такими-то, а не иными надстроечными возможностями. Отношения здесь отнюдь не просты и не однозначны. Если, с одной стороны, одно и то же базисное значение может обрастать разными, нередко полярно противоположными надстроечными, то и обратно, одно и то же надстроечное значение может развиваться из разных базисных. Понятие «плохой» в осетинском может быть выражено тремя словами *ævzær*, *fyd*, *mæguraw*. Базисное значение *ævzær* 'кривой' (авест. *zbar-* 'идти вкривь'), *fyd* 'гнилой' (др.-иран. *puta-*), *mæguraw* от *mægur* 'бедный'. Рус. *дурной* следует (как осет. *fyd*) связывать с рус. (диал.) *дурь* 'гной'. Русское *плохой* скорее всего родственно русскому *плоский*. Семантика — дама капризная. Ей присущи черты «женской логики». От нее всегда можно ожидать каких-нибудь сюрпризов. В сфере надстройки возникают такие оттенки и нюансы, которых трудно было ожидать при данном базисе.

Черный цвет, как известно, ассоциируется с трауром и вообще негативными эмоциями. Но вот в тюркских языках самые чистые и прозрачные родники зовутся *qara su* 'черная вода'. В осетинском выражение *saw læppu* 'черный молодец' соответствует примерно русскому 'добрый молодец'. А сколько восторженных строк в стихах и прозе посвящено черным очам! Чеш., польск. *chory* означает 'темный; черный', а рус. (диал.) *хорость* 'красота; приятность; прелесть' (ЭССЯ, 8, 79, 83). Белый цвет, как антагонист черного, должен, казалось бы, иметь сугубо положительную окраску («свет бел, да люди черны»: Даль). Но вот в одном рассказе Василия Шукшина колхозник покупает в городе для жены сапожки. В глазах продавщицы колхозник увидел «белую ненависть». И он недоумевал, за что она его ненавидит. Странно, что меня как читателя нисколько не удивило парадоксальное, как будто, сочетание «белая ненависть». Напротив, показалось понятным и точным.

Механизм семантических движений основан на общих свойствах человеческой психики и мышления. Поэтому, допуская то или иное идеосемантическое различие, очень важно подкрепить его аналогичными примерами из любых других языков. Нужна особая наука, которую можно было бы назвать историко-семасиологической типологией.

Возьмем слово «сердце». Базисное значение его весьма точно и ограничено: «центральный орган кровеносной системы. . ., обеспечивающий своими ритмическими сокращениями кровообращение» (Энциклопед. словарь). Зато надстроечная его семантика чрезвычайно широка, а в некоторых языках прямо-таки необъятна. Сердце не только бьется, оно «чувствует», «радуется», «грустит», «страдает», «тоскует», «гневается». Даже чувство тошноты передается (в грузинском и осетинском) выражением «сердце мешается» (груз. *guli me-*

reva, осет. *zærdæ xæccæ kæny*). Не только эмоции человека сосредоточены в сердце. Оно же является носителем его интеллектуальных способностей. Сердце «сознает», «размышляет», «помнит» и т. п. Все, что природа возложила на мозг и нервы, язык возложил на сердце. Почему так получилось, на то есть свои причины, в которые мы не будем здесь вдаваться. Приведем лишь некоторые лексические иллюстрации. Вот ряд кабардинских слов: *gwak'wä* 'приятный', *gwapä* id., *gwawä* 'горе', 'обида', *gwəxäš'* 'горе', 'несчастье', *gwəšəxä* 'глубокое горе', *gwəb-* 'гнев', *gwəγap'ä* 'надежда', *gwəγä* id., *gwəźein* 'ужаснуться', *gwəzäwän* 'тревожиться, беспокоиться', *gwəzäsän* 'пребывать в крайнем волнении', *gwəqabzä* 'чистосердечный', *gwəqanä* 'обида', *gwəqewä* 'негодование', *gwəqədež* 'бодрость', *gwläzən* 'переживать, беспокоиться', *gwəmašä* 'добродушный', *gwərəf'* 'веселое настроение', *gwərəšxä* 'подозрение', *gwəf'ä* 'радость', *gwəxä* 'слабохарактерный', *gwəšäläl* 'добродушный', *gwəsabä* 'любезный', *gwəbzəγä* 'умный, смышленый', *gwəžan* 'смекалистый', *gwək'ä* 'мысленно', 'наизусть', *gwəqäk* 'мысль', 'внимание', *gwəqäk'əž* 'воспоминание', *gwələtä* 'внимание', *gwələtän* 'заметить', 'смекнуть', 'сообразить', *gwəpsəsä* 'дума', 'мечта', *gwəpsəsän* 'думать', 'мечтать', *gwərəl* 'мысль', *gwərəxwaγä* 'память', *gwəšə'ä* 'шутка', *gwəšäγwə* 'милость'.

Как видим, множество слов, выражающих, можно сказать, весь спектр эмоциональных и интеллектуальных проявлений человека, начиная с одного и того же элемента *gwə*, и этот элемент означает сердце. И когда русские слова *сердитый*, *усердие*, *милосердие* мы без колебаний связываем с *сердцем*, то не только потому, что в них легко выделяется база *серд-*, но и потому, что эти понятия и в других языках связаны с *сердцем*. Ср. осет. *zærdiag* 'усердный' (от *zærdæ* 'сердце') и груз. *gulmosuli* 'сердитый', *gulmoc'qale* 'милосердный' (при *guli* 'сердце').

Повторяемость определенных семантических переходов в разных языках для этимолога — важнейшая, если не единственная путеводная нить в сложном лабиринте исторической семасиологии. Любое семантическое развитие, от базисных значений к надстроечным, как бы оно ни казалось неожиданным с первого взгляда, может стать основой этимологического решения, если оно повторяется независимо в нескольких языках.

Вывод. Произвол семантических допущений в этимологии можно ограничить, опираясь на данные общей семасиологической типологии.

Больше внимания реалиям исторической жизни народа, его материальной и духовной культуре. Предметы и явления объективной действительности проходят в общественном сознании обработку, включающую три операции: селекцию, абстракцию, классификацию [12].

Лексика языка — результат многовекового процесса освоения действительности с помощью (не умышленного, запланированного, а «стихийного») применения этих операций. Объем и структура лексики соответствуют объему и структуре общественной практики и общественного сознания в прошлом и в настоящем. И когда мы говорим о языке как историческом источнике, мы имеем в виду в первую очередь лексику. Этимология призвана раскрывать все потенции, которые заложены в лексике как историческом источнике. Многое в нашей лексике отражает не современные реалии, а реалии прошлого, иногда весьма далекого. От этимологии мы ждем раскрытия этих забытых связей. В проблеме «лексика и реалии» этимологическая наука выходит за рамки лингвистики в узком смысле и становится наукой историко-культурной, а добытые ею результаты получают широкий общезначимый интерес.

Успех такого рода изысканий может быть обеспечен только в том случае, если разбор — двусторонний: от слов к реалиям и от реалий к словам. А это значит, что этимолог должен быть вооружен не только хорошим знанием лексики, но и широкой осведомленностью относительно исторического прошлого народа, его материальной и духовной культуры.

В упомянутой выше статье «О принципах этимологического словаря» я приводил ряд примеров, как слова проливают свет на реалии прошлого, а знание реалии помогает раскрыть этимологию слова. Здесь мы ограничимся еще несколькими примерами, когда в названиях предметов материальной культуры и специальных терминах скрываются те или иные этнонимы и топонимы.

Позднелат. *cuprum* 'медь' вытеснило древнее название меди *aes*. Происходит от названия острова Кипра (греч. Κύπρος). Римляне стали называть медь *cuprum*, потому что получали ее с Кипра. С латинским связаны преемственно испан. *cobre*, франц. *cuivre*. Из латинского идет германская группа: англ. *copper*, нем. *Kupfer* и пр.

Слав. *mědь*. Как лат. *cuprum* происходит от названия острова Кипра, так слав. *mědь* происходит от названия страны Мидии (греч. Μηδία), так как древние славяне получали медь оттуда. Название «Мидия» применялось в древности к обширной территории к югу и западу от Каспийского моря, включая нынешние Азербайджан и Армению. Археологический материал полностью поддерживает нашу этимологию.

«Активизация связей между Закавказьем и населением Северного Причерноморья и Поволжья была вызвана в значительной степени необходимостью в металле. Население Северного Кавказа по налаженным путям получало металлы из Закавказья; часть его шла на нужды своего металлообрабатывающего производства, а остальное сбывалось северным соседям.»

«Все данные, приведенные в совокупности, убедительно доказывают, что Кавказ в целом уже в эпоху ранней бронзы стал крупнейшим очагом металлопроизводства на территории нашей страны и всего Старого Света. Начиная примерно с середины III тыс. до н. э. Кавказ снабжает своей металлургической продукцией степные племена Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья, и эту роль он сохраняет на протяжении около 1000 лет.»

«В настоящее время считается установленным тот факт, что в III—первой половине II тыс. до н. э. Кавказ выступает как крупнейший на территории Старого Света центр металлопроизводства, обеспечи-

вающий своей продукцией древние племена многих областей Европы»[13].

«Разбор и анализ спектрально изученного металла III тыс. до н. э. Армении, Грузии и Малой Азии показывают, что в это время повсюду применяется технология получения высококачественных мышьяковистых и оловянистых бронз. В истории древнейшей металлургии известно много случаев, когда индустрия меди отдельных культурно-исторических общностей развивалась за счет сырьевых баз, находящихся за территориальными пределами конкретных археологических культур. Вспомним обработку меди Триполья, высокоразвитую индустрию меди майкопских курганов и др. Во все эти очаги металлообработки исходное сырье (в виде полуфабрикатов или отдельных слитков) поступало из месторождений, сосредоточенных на «чужих» территориях»[14].

Для древних славян, на территории которых не было меднорудных очагов, источником получения медного сырья было Закавказье, т. е. «Мидия».

По образованию слав. *мѣдь* стоит в одном ряду с другими характерными для древнеславянского и древнерусского краткими этнографическими названиями женского рода на *-ь* как *Русь*, *чудь*, *водь*, *жмудь*, *весь*, *ливь*, *емь*, *сумь*, *пермь*, *скуфь* (скифы) и др. По образованию *Мѣдь* относится к позднейшему *Мидия*, как *Русь* к позднейшему *Россия*. *Скуфь* к позднейшему *Скифия*[15].

Осет. *færink* 'высоко ценимый в старину вид сабель'. От этнонима 'франк', позднелат. *francus*, др.-рус. *фряг*, *фряжский*, новоперс. *feräng*. Сужение *a* → *i* перед носовым закономерно. Ср. *ingæn* 'могила' из **hankana-* и др.

Осет. *mæskwy* 'прочная кожа красно-бурого цвета'. Идентично с топонимом *Mæskwy* 'Москва'. Русская кожа приобрела известность и в других странах; ср. франц. *roussi* «cuir de Russie»[16].

Осет. (дигорский диалект) *daxran* 'лучший сорт сафьяна'. Идентично с топонимом перс. *Tähran* 'Тегеран'.

Осет. *xusar* 'название дорогой шелковой ткани' (в героическом эпосе «Нарты»). Этимологию трудно было бы вскрыть, если бы в одном варианте сказания о мести героя Батраза за смерть отца не встретилась форма *xursan*. Эта форма прямо ведет к топониму перс. *Xurasan*, *Xorasan*. Провинция Хорасан в восточной Персии с главным городом Мешхед славилась своим шелковым текстилем. Ср. др.-рус. *мешедский* (=*мешхедский*) *шелк*. «Хоросанци» неоднократно упоминаются в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина.

Осет. *xatiag* (*ævzag*) 'непонятный, тайный язык' (в эпосе). Образовано с помощью форманта *-ag* от **Xata(j)* 'Китай' (как, скажем, *zærdiag* 'усердный' от *zærdæ* 'сердце'). Ср. *Xytaj* название Северного Китая в некоторых тюркских языках[17]. Форма **Xataj*, которую отражает осет. *xatiag*, представлена в др.-груз. *Xata-eti* 'Китай' (неоднократно в поэме Руставели «Витязь в тигровой шкуре»), а также в названии шелковой ткани китайского происхождения: тюрк. (анатол) *xatai*[18], груз. *xataia*[19]. Стало быть, осет. *xatiag ævzag* 'хатайский язык' означает собственно 'китайский язык'.

Ср. в семантическом плане русское выражение «китайская грамота».

Осет. *rujmon* 'наименование сказочного чудовища'. Образовано от *Rum* 'Рим' с помощью форманта *-ōn* (из *-ana-*). Стало быть, означает собственно «римлянин». Этимологически и по образованию точно соответствует латинскому *rom-an-us* 'римлянин'. Появление *j* перед *m* закономерно; ср. *xujmon* 'пахарь' от *xumæ* 'пашня'. По семантике ср. франц. *ogre* 'людоед' (в сказках) от визант. греч. 'Ογώρ 'венгр'.

Осет. *qazajrag* 'крепостной', 'раб'. Несомненно, от **qazar* 'хазары' с помощью форманта *-ag* (как этноним в языке не сохранилось). Каким образом наименование сильного в свое время племени хазар стало синонимом раба? Это могло произойти после разгрома Хазарского царства киевским князем Святославом (966 г.), когда ослабевшие хазары легко могли становиться добычей более сильных соседей, в том числе алан.

Нет надобности подчеркивать, что подобные этимологии представляют не только узко лингвистический, но и большой историко-культурный интерес. Мы не только вскрываем происхождение тех или иных слов, но и получаем ценную информацию об этно-географических знаниях народа в прошлом. Рим — франки — Москва — хазары — Тегеран — Хорасан — Китай — таким рисуется географический кругозор предков осетин по приведенному материалу. Кроме того, мы узнаем, что франки славились саблями, Москва — кожей, Тегеран — сафьяном, Хорасан — шелковыми тканями, китайцы — непонятностью своей «грамоты» и т. п.

О стратиграфическом указателе. Этимологические словари снабжаются обычно указателем слов. Необходимость такого указателя очевидна. Без него словарь наполовину обесценивается.

Но, пытаясь представить идеальный этимологический словарь будущего, хотелось бы видеть в нем (после указателя слов) еще один указатель: с т р а т и г р а ф и ч е с к и й. В нем слова должны быть распределены по хронологическим пластам от древнейшего периода до современности.

Для осетинского я выделил бы шесть таких пластов:

1. Общеиндоевропейский (примерно 4-е тысячелетие до н. э.)
2. Индоиранский (примерно 3-е тысячелетие до н. э.)
3. Общеиранский (примерно 2-е тысячелетие до н. э.)
4. Скифо-европейский (1-е тысячелетие до н. э.)
5. Алано-кавказский (от первых веков н. э. до монгольского нашествия).
6. Поздне-осетинский (от монгольского нашествия до наших дней).

В русском этимологическом словаре хотелось бы видеть стратиграфический указатель с такими хронологическими разделами:

1. общеиндоевропейский;
2. славо-древнеевропейский;
3. славо-балтийский;
4. общеславянский;
5. восточно-славянский;
6. великорусский: а. до христианизации, б. от христианизации

до монгольского нашествия, в. от монгольского нашествия до Петра I, г. от Петра I до Пушкина, д. от Пушкина до наших дней.

Подведем итог. В этимологической науке наблюдается в настоящее время известный методологический застой. Младограмматические концепции, в русле которых составляется большинство этимологических словарей, во многом устарели. Они нуждаются в освежении. Такое освежение уже имело место в других областях языкознания. Очередь за этимологией.

Этимологический словарь нового типа, как он нам представляется, должен быть не узко лингвистическим, а широко масштабным историко-культурным исследованием, с привлечением данных истории, археологии, этнографии, психологии, социологии, данных материальной и духовной культуры народа.

Словарь должен строиться на основе признания кардинальной важности таких моментов, как: этногенез, субстрат; историческая лингвогеография; перекрестные изоглоссы; звуковая символика; упорядочение семантической мотивации этимологических решений с опорой на повторяемость определенных семантических переходов в разных языках, родственных и неродственных; неизменное соблюдение принципа: от слов к реалиям, от реалий к словам.

Целесообразно снабдить словарь в начале этногенетическим введением, в конце — стратиграфическим указателем.

Примечания

1 Позднее статья в несколько переработанном виде вышла в немецком переводе в качестве приложения к брошюре венского индоираниста профессора Манфреда Майрхофера Zur Gestaltung des etymologischen Wörterbuches eines Grosscorpus-Sprache (Wien, 1980).

2 Последние по времени доступные мне работы: *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. — ВЯ за 1982 г.; *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистические вопросы славянского этногенеза. — В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, 152—169.

3 Ср.: *Harris A. C.* Georgian and unaccusative hypothesis. — Language, 58, 1982.

4 *Holmer N.* On the «Crosswise intersectant» aspect of phonetic evolution within two linguistic families of the Oceanian area. — Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977, 297—303.

5 *Пахалина Т. Н.* Исследование по сравнительно-исторической фонетике памирских языков. М., 1983.

6 *Вестерман Д.* Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках. — В кн.: Африканское языкознание. М., 1963, 94.

7 Поскольку идеофоны не поддаются традиционной процедуре этимологизации, их нередко объявляют этимологически «неясными», Так, в одном английском этимологическом словаре англ. *cape* 'плащ с капюшоном' возводится в конечном счете к позднелатинскому *cappa*, «which is of uncertain origin» (*Klein E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam; London; New York, 1966, I, 234). Заметим попутно, что если те или иные идеофоны современных и.-е. языков находят соответствия в латинском и даже общеиндоевропейском, это означает только, что идеофоны существовали и на латинском и на праиндоевропейском уровне.

8 Погодин (Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903) делит *гу-мно* и толкует как «место, умятое (*мно*) коровами (*гу*)», имея в виду молотьбу коровами. Не видно, однако, чтобы в каком-либо языке *гумно* было семантически связано с коровой. А главное — деление *гу-мно* произвольно. Это все равно, как если слав. *stegno* 'бедро' делить *ste-gno*, а *-gno* производить от *gnuti* ('бедро' — 'изгиб'!). На деле имеем *steg-no* (ср. рус. *стегать*, *за-стегнуть*, *при-стег-нуть*: 'место, где нога пристегнута к туловищу').

9 *Bonfante G.* Il valore fonosimbolico di z iniziale in francese. ¡Festschrift Hubschmid. Bern, 1982.

10 Толковый словарь грузинского языка / Под ред. А. Чикобава. Тбилиси, 1964, VIII, 1339.

11 Язык и мышление II, Л., 1934, 33—54; VI—VIII, 1936, 5—18; X, 1948, 13—28.

12 *Абаев В. И.* Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, 232—262.

13 *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, 407, 10.

14 *Геворкян А. Ц.* Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980, 86—87. См. также: *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966; *Кашкай М. А., Селимханов И. Р.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973.

15 См. еще: Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957, 321—328. Там же указана более ранняя археологическая литература.

16 *Gamillscheg E.* Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache², Heidelberg, 1969, 782.

17 *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1889. II, 1723.

18 *Радлов* II 1679.

19 Толковый словарь груз. языка, VIII 1316.

А. Е. Аникин

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ОМОНИМОВ В СВЯЗИ С РЕКОНСТРУКЦИЕЙ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА

О происхождении омонимов в разных языках существует весьма обширная литература [1], составляющая часть еще более обширной литературы по «омонимике» [2], в которой, как правило, мало или совсем не затрагиваются факты предыстории (resp. реконструкции), находящиеся в центре внимания праславянской лексикографии. Полезность этой литературы для нас состоит главным образом в том, что она дает достаточно надежные, исторически засвидетельствованные подтверждения реальности той или иной возможности генезиса омонимов, а также некоторое представление о частотности разных типов омонимии [3]. Сведения, предлагаемые по интересующим нас вопросам «омонимикой», а также некоторыми другими работами (ср. ниже о литературе, посвященной семантическим изменениям), в сущности, хорошо известны и очевидны, но, как нам представляется, нередко расходятся с результатами исследований по этимологии и праязыковой реконструкции.

В праславянском (и, видимо, индоевропейском) источниками омонимии должны были быть, прежде всего, формальная конверген-